

Цуй Се отнесся к его словам с некоторой долей скепсиса, но, видя, как веселится собеседник, забыв о прежней робости, подлил ему еще вина и пододвинул пару закусок, чтобы тот продолжал рассказ на сытый желудок. Крепкое вино быстро ударило управляющему Цзи в голову, и он, окончательно отбросив чинность, заговорил без умолку:

— В былые времена, когда у нашей лавки водились деньги, мы каждый год отправляли человека в Шуньтяньфу, в управу образования, чтобы переписывать экзаменационные работы победителей. У нас в уезде, на такой маленькой земле, и то продавали по двести-триста экземпляров! Да еще переиздавали по несколько раз, ведь даже старые статьи многолетней давности находили своего покупателя. За тоненькую книжицу просили целый лян серебра! Отпечатаешь один тираж — и доход на полгода вперед обеспечен!

Цуй Се невольно вспомнил целую сундук экзаменационных работ лучших знатоков со всех краев, подаренную ему советником Лю, и про себя ахнул: советник Лю сделал ему поистине бесценный подарок — хотя сам наверняка заработал на этом немало.

К тому же издательское дело в Великой Мин не облагалось налогами: пока хватает умения отпечатать и продать, власти не станут считать твои доходы. Занятие и благородное, и выгодное.

Однако Цуй Се переместился сюда не так давно и еще не проникся моралью местных дельцов, а потому вовсе не собирался наживать на текстах, которые ему специально собрали и подарили.

Впрочем, заработать можно было не только на экзаменационных работах. Управляющий Цзи продолжал:

— Повести и романы тоже отлично продаются! Особенно «Троецарствие». Жаль, «Речные заводи» попали под запрет, а то продавались бы еще лучше. А уж книги с иллюстрациями расходятся куда быстрее чистых текстов! Мы в свое время выписывали художника из Юнпинской управы, платили по три цзяня серебра за каждый рисунок: «Клятва в Персиковом саду», «Люй Бу соблазняет Дяочань», «Три визита в соломенную хижину»... Расходы, конечно, большие, но и окупаются мгновенно! Продали четыре-пять сотен экземпляров, да даже неграмотные охотно покупали, чтобы картинки рассматривать!

Осушив еще несколько стопок, он совсем раскраснелся от вина, а его глаза заблестели так яркого, словно он смотрел не на Цуй Се, а на гору серебра:

— Молодой господин, вы ведь тоже образованный человек! Разве не сумеете написать повесть или роман? Сам напишешь, сам отпечатаешь, отправишь книги в другие уезды и провинции — и по всей Поднебесной найдутся покупатели! И вы станете таким же знаменитым талантом, как Ши Найань или Ло Гуаньчжун!

Цуй Се кивнул, придвинул кувшин к себе, налил управляющему пиалу горячего рыбного бульона, чтобы согреть желудок, встал и окликнул слугу на улице:

— Пэн Янь, позови матушку Чжан, пусть приготовит отрезвляющий отвар. Управляющий Цзи перебрал.

Разве до перемещения он не читал романы эпох Мин и Цин? В минских повестях одни только вводные стихи занимают по несколько строк! Из всего прочитанного за жизнь единственное вступительное стихотворение, которое он мог воспроизвести по памяти, — это «Линь цзянь сянь» Ян Шэня. А те же «Путешествие на Запад» или «Сон в красном тереме» перечитывал не

раз, но так и не выучил их вводные строки.

Раз даже заучить не смог, куда уж писать самому? Не лучше ли потратить это время на изучение «Пиньшуйских рифм»?

Пусть управляющий Цзи скорее протрезвеет.

Задачу писать книги следует оставить талантам эпохи Мин. Тратить на это время для него, попаданца, было бы полнейшим абсурдом. Его истинное преимущество заключалось не в десятках сетевых романов в памяти, а в знании технологий оформления и упаковки книг, развившихся на сотни лет вперед.

Именно упаковка!

Хорошую статью написать непросто, но красивый переплет, верстка и иллюстрации способны вызвать желание купить даже не самую увлекательную книгу.

В далеком детстве он и сам покупал пиратские пособия только из-за красивых аниме-персонажей на обложке, да и во взрослой жизни соблазнялся изысканным оформлением и цветными вклейками, приобретая дорогие и бесполезные книги по дизайну. Вот и управляющий Цзи подтвердил: издания с иллюстрациями продаются лучше чистых текстов. Выходит, вкусы читателей прошлого и настоящего одинаковы — визуальные образы действуют сильнее текста и охотнее заставляют расставаться с деньгами.

Запусти в эпоху Мин акцию с коллекционированием карточек в упаковках с лакомствами — и здесь вспыхнула бы безумная лихорадка.

Зачем мучиться с переписыванием книг, когда у него есть такое преимущество? В учебниках по химии описывались технологии многоцветной печати, дощечной печати «доубань» и рельефного тиснения «гунхуа», появившиеся лишь в поздний период эпохи Мин. К тому же лавка уже наняла умелых резчиков. Зачем же выдумывать велосипед, когда можно печатать привлекательные книги, завоевывающие покупателей не глубоким смыслом, а безупречным внешним видом?

Приняв решение, Цуй Се вернулся к столу, принялся за еду, время от времени припивая не самое вкусное вино, и в мыслях медленно вычерчивал план на будущее.

Вскоре матушка Чжан принесла апельсиновый отвар для протрезвления и подала большую миску горячей лапши на насыщенном курином бульоне. В само тесто для лапши тоже что-то подмешали, отчего оно обладало глубоким пикантным вкусом, таявшим во рту с первой же ложкой.

Горячий ароматный бульон прогнал хмель, подступавший от желудка к лицу. Цуй Се ощутил небывалый прилив сил — рабочий задор новичка, так грубо прерванный переездом прямо после подписания трудового договора, снова закипел в его жилах.

Окончив обед, управляющий Цзи вместе с приказчиком Цзи поднялись, чтобы попрощаться. Цуй Се подошел к ним и с улыбкой произнес:

— Пойдемте вместе. Я бы тоже хотел посмотреть, как выглядит наша книжная лавка.

Приказчик Цзи слегка застыл и бросил взгляд на управляющего. Но управляющий Цзи, еще с покрасневшим от хмеля лицом, громко подхватил:

— Пойдемте, пойдемте! Молодой господин, посмотрите на нашу книжную лавку «Чжижун»! Наше заведение выходит прямо на заднюю улицу управы, в самом лучшем месте Западного города!

Цуй Юань тут же запряг экипаж и повез их компанию к книжной лавке «Чжижун».

В молодые годы Цуй Се никогда не переступал ее порог, видел лишь издали. Но запомнил, что помещение было светлым, аккуратным, полки уставлены высоко сложенными книгами, а внутри толпились образованные люди: кто-то читал стоя, кто-то переписывал за столами. Однако теперь лавку окутывал дух запустения. Полки пустовали — лишь кое-где лежали редкие экземпляры «Четверокнижия и Пятикнижия», сборники рифм да избранные древние стихотворения. Внутри сидели от силы два-три студента, переписывавших книги.

Цуй Се в прежней жизни ничего подобного не имел, поэтому даже такая лавка показалась ему вполне достойной. Он первым шагнул внутрь.

В лавке дежурил всего один приказчик. Покупателей не было, так что он особо не старался и в полудреме лениво отмахивался метелкой от мух. Приказчик Цзи рывкнул на него, приказывая встать и встретить молодого хозяина, но тот даже веками не повел и небрежно пробормотал:

— Эй, младший управляющий, нам есть скоро нечего будет, а вы тут все в хозяев играете. Вон те, из заднего двора, скоро...

Приказчик Цзи вспыхнул, подскочил к нему и зажал ему рот, вполголоса ругаясь:

— С ума сошел?! Это наш молодой хозяин! Тот самый, которого отметили при дворе!

Лишь тогда приказчик протрезвел от сна. Задрожав всем телом, он стал делать знаки и недовольно шептать:

— Что ж вы молчали? Зачем привели молодого хозяина именно сейчас? Прежде еще удавалось скрывать, а сегодня те, задние, устроили погром! Да и эти, что внутри, тоже не из робкого десятка. Все утро крушат, бьют, в лица вцепляются — настоящий спектакль!

Они говорили очень тихо, так что Цуй Се ничего не услышал. Поглядев на залитое краской лицо управляющего Цзи и его слипающиеся глаза, он спросил, где находится спальня, чтобы помочь ему дойти и отдохнуть.

В лавке было два этажа и задний двор, где изначально и полагалось жить приказчикам. Однако управляющий Цзи указал вверх. Видя, что приказчики заняты разговором, Цуй Се вместе с Пэн Янем поднялись по лестнице и помогли ему дойти до комнаты по правую сторону второго этажа.

Стоило им уложить его на кровать, как за окном раздался оглушительный грохот ломаемой мебели, а из двора донесся пронзительный женский вопль:

— Я честная девушка из Ланьчжоуской управы! А этот проклятый разбойник Ван Сянчжэнь изнасиловал меня, силой притащил в этот уезд и приставил кучу ублюдков да вороватых баб, чтобы я не сбежала! Добрые соседи, услышьте! Донесите на этого злодея чиновникам, пусть господин уездный начальник забьет его палками насмерть!

Цуй Се понял, что стряслась беда, быстро опустил управляющего Цзи на кровать и подтолкнул Пэн Яня:

— Живо зови своего отца, приказчика Цзи и того приказчика у стойки! Пусть идут за мной во двор!

Он поспешно сбежал вниз, крикнул в лавке: «На заднем дворе беда, скорее сюда!», потянулся на цыпочках и снял со стены ритуальный меч для изгнания злых духов. Не глядя, заточен ли клинок, он ринулся во двор. Задняя дверь на первом этаже лавки была закрыта и неплохо заглушала звуки, а приказчик Цзи был так обеспокоен, что не заметил шума сзади. Когда Цуй Се внезапно выскочил и бросился к заднему двору, оба приказчика испуганно кинулись наперерез, чтобы остановить его, но опоздали.

Цуй Се с мечом в руках вбежал внутрь, но увидал, что резные ворота во двор заколочены, а рядом пробит иной, узкий проход.

<http://bllate.org/book/18372/1761258>